

Он холодно смотрел на Ван Цзысяо.

Резкий крик сокола заставил всех напрячься.

— Кри-и-и!

Лэн Сяо внезапно вскрикнул, его мощные крылья взметнулись вверх, и он попытался взлететь.

— Быстрее, успокойте его!

На площадке началась суматоха. Профессиональный сокольник, который держал птицу, попытался схватить металлическую цепь на лапе сокола.

Но сокол, словно встретившись с каким-то врагом, взъерошил перья, и его невозможно было успокоить. Цепь звякнула, но сокол не бросился на Ван Цзысяо, а, наоборот, попытался улететь как можно дальше.

Этот человек был слишком страшен.

Когда он смотрел на него, сокол не мог контролировать свои инстинкты.

Поначалу он казался обычным человеком, но теперь он излучал ужасающую силу.

К сожалению, даже при всей своей скорости, сокол не смог уйти.

Ван Цзысяо в этот момент больше напоминал опасного крупного хищника из семейства кошачьих. В покое он был спокоен, но в движении — быстр, как ветер!

Он схватил сокола за ноги и легко уклонился от его когтей, которые тот попытался вонзить в него в ответ.

Сокол, поняв, что не сможет убежать, подавил свой страх и ударил Ван Цзысяо крыльями, а затем попытался клюнуть его в глаз своим острым клювом.

Ван Цзысяо перехватил лапы сокола в одну руку, а другой сначала нажал под крыло, а затем схватил за шею.

Когда он нажал под крыло, Лэн Сяо снова вскрикнул, и его тело обмякло, лишившись половины силы. Затем, когда ему сжали шею, он не смог вырваться, и по мере того, как Ван Цзысяо сжимал крепче, дыхание сокола становилось все тяжелее. Его черные, как бусинки, глаза смотрели на Ван Цзысяо с ненавистью, которая постепенно сменилась отчаянием. Если присмотреться, можно было даже увидеть в них мольбу о пощаде.

Именно в этот момент Ван Цзысяо отпустил его шею.

Он полубоялся сокола, а правой рукой ловко погладил его перья, демонстрируя явное мастерство.

Сокол, похоже, наслаждался этим, и его крики из громких и грубых превратились в приятное щебетание, как у птенца, который хочет внимания родителей.

— Дайте мне мясо.

Ван Цзысяо, не оборачиваясь, протянул правую руку ладонью вверх к сокольнику.

— А? О.

Сокольник на секунду опешил, но затем понял, о чем идет речь, и поспешно передал ему маленький мешочек, привязанный к поясу.

Внутри были нарезанные свежие полоски сырого мяса. Обычно Лэн Сяо кормили наполовину сырым, наполовину приготовленным мясом, но когда он был на задании, сокольник всегда брал с собой сырое мясо, чтобы подстегнуть его дикую натуру.

Ван Цзысяо достал мясо и начал кормить сокола, по одной полоске.

Сокольник хотел предупредить его, что такой способ кормления опасен, так как сокол может поранить руку в пылу охоты.

Но когда он увидел, как этот гордый сокол, который перед ним был неуправляем, теперь вел себя как ручной воробей, поедая мясо и даже потираясь о ладонь Ван Цзысяо, издавая при этом звуки, похожие на мурлыканье... он решил промолчать.

Это было больно бить по самолюбию.

И не только для него. Все, кто наблюдал за этой сценой, были в замешательстве. Это было просто невероятно! Где же гордость сокола? Разве он не должен был бороться до конца? Каждый раз, когда ты думаешь, что уже оценил Ван Цзысяо по достоинству, он находит способ снова удивить тебя за считанные секунды.

Нравится это или нет, но придется смириться.

Этот прием Ван Цзысяо выучил в прошлой жизни, когда работал с одним старым аборигеном. Этот старик был странным даже среди своего племени, жил в одиночестве и был ближе к животным, чем к людям. У него было несколько соколов, и все они были послушны и великолепны.

Старик был должен Ван Цзысяо, и тот ему понравился, поэтому перед отъездом он научил его этому мастерству дрессировки соколов.

Не нужно было часами смотреть им в глаза, достаточно было знать несколько хитростей, и любой сокол становился послушным.

В прошлой жизни он не часто использовал этот навык, но теперь, в новой жизни, он пригодился.

— Брат, помоги мне надеть наруч.

Наручи Ван Цзысяо отличались от тех, что были у сокольника. Они были более изысканными, сделанными из дорогого сплава, легкими и прочными. Их цвет был глубоким синим, который переливался на солнце, создавая загадочную и роскошную атмосферу, что подчеркивало его элегантный черный костюм.

Мо Синчжи помог ему надеть наручи, и сокол уверенно встал на них, расправив перья, словно став еще более гордым, чем на руке сокольника.

— Уже поздно, садимся на лошадей! — сказал Ван Цзысяо и первым взобрался на спину Снежного шага. Лошадь спокойно повернулась под его управлением, позволив Ван Цзысяо

смотреть на всех сверху вниз, особенно на Мо Синчжи.

Мо Синчжи так же легко взобрался на лошадь, взял поводья и принял лук и меч, которые ему передал ассистент.

Сюй Чуньхуа постаралась игнорировать сокола, который, казалось, был на взводе, и начала объяснять им сцену.

Они должны были сначала разогреться, сделав несколько кругов по ипподрому, а затем направиться к заднему склону поместья Цуйвэй, время от времени стреляя из лука. Не нужно было попадать в цель, главное — выглядеть эффектно. И, конечно, нужно было показать ювелирные украшения «Императорского рода», такие как нефритовые кольца, рукояти мечей, луки...

Раньше Сюй Чуньхуа беспокоилась, что они не смогут передать нужную атмосферу... В космическую эру мало кто умеет стрелять из лука! Если бы они просто смогли хорошо держаться на лошадях и не упасть, это уже было бы достижением. Если бы реальные съемки не удались, она планировала использовать спецэффекты для крупных планов — этот этап рекламы должен был занять больше всего времени.

Но после того, как она увидела, как Ван Цзысяо укрощает сокола, она полностью успокоилась. Она была уверена, что эти двое еще удивят ее.

Не зная его раньше, она не могла понять, но теперь, познакомившись с Ван Цзысяо, она все больше убеждалась, что даже если бы он оставался «картофельным духом», он все равно смог бы добиться успеха в шоу-бизнесе. В нем была мужская сила духа, которой так не хватало современной индустрии. Сейчас он еще молод, и эта харизма не раскрылась полностью. Но когда он станет настоящим мужчиной, он точно станет объектом обожания для многих.

Все посторонние отошли, освобождая пространство. Несколько летающих камер были нацелены на них, чтобы не пропустить ни одного интересного момента.

Держа сокола на руке, Ван Цзысяо с ухмылкой оглянулся и, указывая кнутом, украшенным нефритом, вперед, сказал:

— Давай устроим гонку? Ставки как всегда!

Взгляд Мо Синчжи вдруг изменился.

Казалось, эти слова вызвали у него воспоминания... приятные или не очень, сказать сложно.

На его лице на мгновение появился румянец, но он быстро исчез.

В его глазах мелькнул интерес и ожидание, и он, не боясь, громко ответил:

— Как скажешь!

На этот раз он не проиграет!

Сюй Чуньхуа и ее команда даже не подозревали, что эти двое только что устроили публичный флирт под видом соревнования. Под этой, казалось бы, обычной ставкой скрывалось что-то более интимное... Режиссер была довольна их импровизацией и, глядя на экран, спросила оператора:

— Вы сняли сцену с укрощением сокола?

— Конечно!

Ван Цзысяо и Мо Синчжи, заключив пари, были полны энтузиазма и не хотели отставать друг от друга. Взмахнув кнутами, они помчались вперед, быстро завершив три круга по ипподрому, а затем направились к заросшему лесом охотничьему угодию.

— Вперед!

Ван Цзысяо был отличным наездником, но Мо Синчжи не уступал ему. Его посадка была даже более изящной, и, не отягощенный соколом, он оказался на полкорпуса впереди Ван Цзысяо, когда они въехали в охотничью зону. На экране эти два великолепных принца выглядели так, что невозможно было оторвать глаз!

<http://bllate.org/book/16623/1522005>